

Стефания Амириди =====
(Комотины, Греция)

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЙ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Выделение последних десятилетий XX века (80-90-ые годы) и начала XXI века как особого этапа развития русского литературного языка обосновано значительными изменениями в его функциональном статусе, в его функционально-стилевой системе, в его взаимодействии с народно-разговорным языком, в системах его лексики, фразеологии, словообразования, грамматики, в его стилистических ресурсах, в речевом этикете, изменениями коммуникативно-прагматического характера и т.д. [Филкова 2001: 11]. В этих изменениях находят выражение существенные изменения в общественном сознании русского народа и в общественной жизни России в указанный период, который обозначается некоторыми авторами термином “постсоветский период” по аналогии с распространенным раньше термином “советский период” [Костомаров 1994: 23]. Отдельные авторы считают даже, что русский литературный язык в данный период “переживает почти революционные потрясения” [Ермакова 1996: 32]. В.Г. Костомаров справедливо отмечает: “Перед нами новое состояние русского литературного языка – в смысле очередного этапа эволюции. Язык переходит на следующий срез своей истории, отчего, конечно же, не перестает быть самим собой и не теряет функциональные потенции (скорее наоборот: он приспособляет их к новому состоянию общества)” [Костомаров 1994: 227].

Существенные изменения в русском литературном языке находят особенно яркое выражение в газетно-публицистической речи. Это обусловлено тем, что русская публицистика конца XX – начала XXI века стала основной трибуной общественной мысли и противостояния в общественных отношениях в России. Е.А. Земская специально подчеркивает, что в постсоветский период средства массовой информации стали высоко популярными, “газеты читают больше, чем любые другие виды письменности, телевидение смотрит и слушает весь народ”, вследствие чего “язык газет стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка [Земская 1996: 10, 91].

В газетно-публицистической речи наряду с различными изменениями в русском языке находит выражение процесс активизации формирования и использования окказиональных, неустоявшихся единиц. Некоторые авторы объясняют подобную активизацию раскрепощенностью языка газет, журналов и других подобных изданий [Земская 1996: 128]. Другие считают, что формирование и активное употребление подобных единиц является результатом постоянной игры со словом: “Во все времена и всюду игровой инстинкт может проявиться вновь и вновь в полную силу, вовлекая как отдельную личность, так и массы” [Хьюзинга 1982: 62]. Отдельные исследователи обращают внимание на стремление к стиливой новизне, которое “носит всеобъемлющий характер” [Кокорина 1996: 175], на стремление к “свежей выразительности и обновлению” [Костомаров 1994: 31]. Независимо от причин активизации процесса образования и использования окказиональных единиц важна

сама констатация того, что “конец XX века иногда даже называют веком окказионализмов” [Земская 1996: 128].

При определении понятия и термина “окказионализмы” мы будем исходить из понимания, что в актах коммуникации используются главным образом два разряда единиц: а) **узуальные**, которые относятся к языковым нормативным средствам, закрепившимся в системе языка, получившими распространение и ставшими употребительными; они регулярно воспроизводятся и выполняют прежде всего номинативную, коммуникативную и информативную функции, например: *приватизация*, *демократия*, *Хиросима*, *бунтарь*, *олимпиада* и т.п.; б) **неузуальные**, окказиональные, которые относятся к речевым ненормативным средствам, которые не закрепились в системе языка, не стали широко употребительными; они не воспроизводятся регулярно, выполняют прежде всего экспрессивную функцию и образуются обычно на основе существующих в системе языка моделей, например: *прихватизация* (прихватить и приватизация), *дымократия* (дым и демократия), *Америсима* (Америка и Хиросима), *хунтарь* (хунта и бунтарь), *фельетониада* (фельетон и олимпиада) и т.п.

В научной литературе речевые единицы второго разряда обозначаются различными терминами: “индивидуально-стилистические неологизмы” [Винокур 1943], “сатирические образования” [Наумов 1968], “слова-самоделки” [Ханпира 1966], “эголизмы” [Аржанов 1968] и др.

Содержательная характеристика подобных образований дана в следующих определениях:

“окказиональное слово – это речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами непроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности” [Лыков 1976: 36];

“окказионализмы – это индивидуальные средства, присущие только данному отрезку речи, данному контексту, создаваемые (а не воспроизводимые) именно в этом контексте, созданные “по случаю”, однажды” [Лопатин 1973: 63].

К сожалению, предложенные определения, на наш взгляд, не являются полными. Во-первых, окказионализмами являются не только слова, но и значения слов, словосочетания, устойчивые словосочетания, например: *Наше общество скатывается в пропасть индифференции или охунтения* (Известия, 11.04.1996); *Красные цены на красную рыбу* (Огонек, 21/1995); *В России возникает выборная монархия в момент приближения смены лидера* (Комсомольская правда, 19.08.1998); *Милости просим, не вываливайте дурака* (Интернет, ср. не валяйте дурака); *Гранаты в мешке не утаишь* (Комсомольская правда, 19.08.1998, ср. шила в мешке не утаишь). Во-вторых, в некоторых случаях окказионализмы получают распространение и выходят за рамки только определенного контекста, например: *Развернулась макдональдизация культуры* (Слово, 11/1999); *Кругом сплошная макдональдизация. Не пропади, нация!* (Е. Евтушенко, Тринадцать).

Принимая во внимание предложенные различными авторами дефиниции окказионализмов и дополняя их, мы предлагаем более полное определение. Окказионализмы – это неузуальные индивидуальные речевые единицы (слова, значения слов, словосочетания, устойчивые словосочетания, фразы), которые в большинстве случаев остаются незакрепленными в системе языка и которые выполняют прежде всего экспрессивную функцию, являющуюся результатом изменения регулярно употребительных подобных узуальных единиц.

Окказионализмы использовались и раньше в стилях художественной, публицистической и разговорной речи. Достаточно вспомнить такие единицы, как

кюхельбекерно, огончарован (у А.С. Пушкина), умонелепствовать, институтско-опереточное воспитание (у М.Е. Салтыкова-Щедрина), выпивон, деньгеед и т.д.

В настоящее время активизируется не только употребительность окказионализмов, но изменяется характер их базовых основ. Во многих случаях базовыми основами стали служить ключевые единицы, “обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания” [Земская 1996: 92], например: *Мы скатываемся к третьемиству* (Правда, 17.10.1995, ср. *третий мир*); *Сраматургия. Это то, что случится с театром завтра* (Независимая газета, 86/2000, ср. *срам и драматургия*); *Без эффективной оппозиции демократия может превратиться в демократуру* (Московский комсомолец, 14.02.1997, ср. *демократия и диктатура*); *Это секс-генерал Мордехай* (Российская газета, 55/2000, ср. *экс-генерал*); *Либералиссимус Жириновский выступал десять раз* (Огонек, 17/1997, ср. *генералиссимус*).

Источниками окказионализмов могут служить:

– единицы (слова, словосочетания, фразы) русского литературного языка, например: *На то и “Память” в России, чтобы еврей не дремал* (Россия, 2, 1998); *Истерические решения Съезда* (Литературная газета, 21/1991 ср. *исторические решения*); *Кто мы? Откуда мы? Куда мы? Страна внутреннего сгорания!* (Независимая газета, 86/2000, ср. *двигатель внутреннего сгорания*);

– единицы русского народного творчества, например: *Не перепились еще на Руси богатыри, добры молодцы* (Интернет, ср. *Не перевелись еще на Руси богатыри, добры молодцы*); *Дело мастера – напиться* (Интернет, ср. *Дело мастера боится*); *У пьяного в глазах девица* (Интернет, ср. *У пьяного в глазах двоится*); *Что посеешь, то и украдут* (Новые известия, 135/1999, ср. *Что посеешь, то и пожнешь*);

– жаргонные и просторечные единицы, например: *Политическая тусовочка на верхах получилась хилой* (Московский комсомолец, 12.09.1993, *тусовочка* в зн. ‘размещение кадров’); *В пансионате ветеранов войны появились лихие бомжихи* (Известия, 14.09.1994, *бомжиха* в зн. ‘женщина без определенного места жительства’); *В наших гостиницах вы найдете стервис на высоком уровне* (Московский комсомолец, 02.11.1994, ср. *сервис и стерва*);

– названия книг, журналов, газет, фильмов и т.п., например: *Часто стали читать о “Выступлениях и наказаниях”* (Огонек, 2/1997, ср. *“Преступление и наказание”*); *Об этом писал “Московский сексомолец”* (Огонек, 10/1996, ср. *“Московский комсомолец”*); *О бедном диспансере замолвите слово* (Литературная газета, 12/1999, ср. *“О бедном гусаре замолвите слово”*);

– имена известных деятелей, литературных героев, писателей и т.п., например: *Правительство сознательно бурбулит и гайдарит* (День, 43/1992, ср. имена политических лидеров Бурбулиса и Гайдара); *Мифы о Кошмаровском* (Вечерняя Москва, 18.08.1994, ср. *Кашиповский*); *Мадам Бартерфляй снова показалась* (Интернет, ср. *“Мадам Баттерфляй”*);

– цитаты из русских книг, стихов, песен и т. п., например: *Рожденный брат – упасть не может* (Интернет, ср. *рожденный ползать – летать не может*); *Валюта нам строить и жить помогает* (Комсомольская правда, 49/1999, ср. *нам песня строить и жить помогает*); *Свежо издание, а ксерится с трудом* (Литературная газета, 16/1991, ср. *свежо предание, а верится с трудом*);

– заимствования из библейских текстов, например: *Там было мало званных, но много избранных* (Известия, 100/1998, ср. *много званных, но мало избранных*); *Сначала были Деньги* (Литературная газета, 41/1999, ср. *в начале было слово*); *Вот вам и гласность вопиющая в пустыне* (Известия, 84/1997, ср. *глас вопиющего в пустыне*); *По лозунгам вы их узнаете* (Известия, 41/1998, ср. *по делам вы их узнаете*);

– заимствования из иностранных литературных источников, например: *Осень тревоги нашей* (Аргументы и факты, 37/1994, ср. Дж. Стейнбек “Зима тревоги нашей”); *Пилуля, которая потрясла мир* (Аргументы и факты, 29/1998, ср. Д. Рид “Десять дней, которые потрясли мир”); *Брить или не брить* (Аргументы и факты, 45/1997, ср. Шекспир “Быть или не быть”); *Здравствуй, оружие* (Литературная газета, 27/1999, ср. Э. Хемингуэй “Прощай оружие”); *Все течет и не изменяется* (Известия, 06.04.2000, ср. Гераклит “Все течет, все изменяется”).

Вопрос о способах образования окказионализмов достаточно подробно рассматривается в работах Е.А.Земской [Земская 1996], В.З.Санникова [Санников 1999], Л. Цоневой [Цонева 2000] и др., поэтому мы его не обсуждаем.

Следует обратить внимание на **функции окказионализмов**. Было подчеркнуто, что они выполняют прежде всего экспрессивную функцию, которая сопровождается обычно коммуникативной, информативной, когнитивной и др. Их связь обнаруживается “всякий раз, когда наше внимание обращено на форму высказывания, на то, как выражена мысль” [Шмелев 1977: 35]. Но эта связь обусловлена и значением выраженной мысли, и оценкой, и отношением к ней. Поэтому можно считать, что окказионализмы используются преимущественно для выражения экспрессивной (эмоционально-экспрессивно-оценочной) функции. З.И.Хованская подчеркивает, что, когда языковые единицы обогащаются экспрессивными, эмоциональными и оценочными компонентами, которые дополняют соответствующий семантический потенциал, тогда реализуется экспрессивная функция языка и стилистическая функция речевых единиц [Хованская 1984: 210].

Стилистическая функция означает в основном назначение, роль, выполняемую единицами языка при их воспроизведении в речи с целью достижения определенного коммуникативного эффекта. В зависимости от характера такого эффекта можно указать на следующие случаи:

– использование окказионализмов в целях выражения шутливости, доброжелательного коизма, при котором отсутствует негативное отношение, например: *Это я говорю, честное пенсионерское* (Литературная газета, 21/1993, ср. *честное пионерское*); *Главное занятие стариков – хождение по внукам* (Известия, 83/1997, ср. *хождение по мукам*); *Участников конференций магнитом влекли пятый и шестой пункт. Пятый – это “разное”, который исчерпывал повестку дня. Шестой исчерпывал запасы водки* (Огонек, 6/1992);

– использование окказионализмов в целях выражения иронического, неодобрительного отношения, например: *Власть – это жизнь всласть* (Аргументы и факты, 35/1993); *Белый Билл – черные слухи* (Литературная газета, 23/2000, ср. *Белый Бим – черное ухо*); *Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью* (Комсомольская правда, 49/1999, ср. *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью*);

– использование окказионализмов в целях выражения пародии, резко отрицательного отношения, например: *На селе укореняется уже капиталистический патриотизм* (Советская Россия, 81/1998, ср. *социалистический патриотизм*); *Нынешний ельцинизм не в горбачевизм ли корнями уходит?* (Правда, 30.07.1993, ср. *Ельцин*); *Ну не мэр, а кош-мэр Владивостока* (Литературная газета, 48/1997, ср. *кошмар*).

Краткий анализ окказионализмов в русской газетно-публицистической речи постсоветского периода дает основание для некоторых выводов.

Окказионализмы являются важным средством выражения экспрессивной функции.

Их употребление активизировалось особенно в постсоветский период, когда существенные изменения в общественной жизни России и в общественном сознании

русских обусловили необходимость в более ярких эмоционально-экспрессивно-оценочных средствах.

Источниками окказионализмов служат различные ресурсы русского литературного и народно-разговорного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Аржанов 1968 – *Аржанов Л.* Закон есть закон // Журналист. 1968, № 3.
- Ермакова 1996 – *Ермакова О.П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
- Земская 1996 – *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
- Кокорина 1996 – *Кокорина Е.В.* Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика, стилистика. Язык и культура. М., 1996.
- Костомаров 1994 – *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Лопатин 1973 – *Лопатин В.В.* Рождение слова. М., 1973.
- Лыков 1976 – *Лыков А.Г.* Современная русская лексикография (русское окказиональное слово). М., 1976.
- Санников 1999 – *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Филкова 2001 – *Филкова П.* Русский литературный язык конца XX века // Болгарская русистика. 2001. № 1.
- Ханпира 1972 – *Ханпира Э.* Окказиональные элементы в современной речи // Лингвистические исследования. М., 1972.
- Хьойзинха 1982 – *Хьойзинха Й.* Homo ludens (Изследване на игровия елемент на културата). С., 1982.
- Хованская 1984 – *Хованская З.И.* Стилистика французского языка. М., 1984.
- Цонева 2000 – *Цонева Л.* Езиковата игра в съвременната публицистика. С., 2000.
- Шмелев 1977 – *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.